

3. Избрание Генерального секретаря (11 марта 1985)

Отсутствие Щербицкого и Кунаева «вежливо учли: назначили вторичное заседание ПБ — перед Пленумом, который состоялся на следующий день, в понедельник»³³. Кунаев приехал, но изменить соотношение сил было уже невозможно. Н.Рыжков даже утверждает, что уже 10 марта было принято принципиальное решение избрать Горбачева Генеральным секретарем³⁴. Однако воспоминания четы Горбачевых, Воронникова, Гришина и протокол заседания Политбюро от 11 марта заставляют усомниться в этом. 11 марта, упомянув о присутствии на заседании всех членов Политбюро, кроме Щербицкого (следовательно, Кунаев уже приехал), Горбачев поставил на обсуждение «вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС». Вероятно все же, что в первый день решили вопрос о назначении Горбачева председателем похоронной комиссии, что традиционно делало его той кандидатурой, с которой следовало начать обсуждение «вопроса о Генсеке». Первое решение во многом предопределяло второе, и поэтому Рыжков мог совместить в памяти оба события и отнести их к одному дню.

На решающем характере событий 11 марта настаивает и Е.Лигачев: «Опять Горбачев сел в торцевой части стола заседаний, но не по центру, а сдвинувшись в сторону от места председательствующего. Он понимал, что сейчас разговор пойдет именно о нем, и именно ему предстояло этот разговор начать».

После небольшой паузы Михаил Сергеевич сказал:

— Теперь нам предстоит решить вопрос о Генеральном секретаре. В пять часов назначен Пленум, в течении двух часов мы должны рассмотреть этот вопрос.

И тут поднялся со своего места Громыко.

Все произошло мгновенно, неожиданно. Я даже не помню, просил ли он слова или не просил... Все сидели, а он стоял! Значит — первое слово — за ним, первое предложение о кандидатуре Генсека внесет именно он.

Крупная фигура как бы нависала над столом, я бы даже сказал — подавляла. Андрей Андреевич заговорил хорошо поставленным, профессиональным так называемым дипломатическим “голосом”:

— Позвольте мне высказаться, — начал он. — Я много думал и вношу предложение рассмотреть на пост Генерального секретаря ЦК КПСС кандидатуру Горбачева Михаила Сергеевича»³⁵.

«Это была, как я считаю, важная личная победа Егора Лигачева, заранее проговорившего все варианты едва ли не со всеми, кому предстояло под-

нять руку “за” или “против” НАШЕГО лидера... Громыко, едва ли не самый старый член “гвардии” Брежнева (да что там Брежнева — и Хрущева, и даже Сталина), открыто и безоговорочно выступил на стороне “племени молодого незнакомого”... но нужна была серьезная “психологическая атака”, чтобы он не просто поддержал на Политбюро эту кандидатуру, но и сам первый назвал ее»³⁶.

Последнее предположение о «психологической атаке» выглядит преувеличением. Активная позиция Громыко предопределялась не «психологической атакой» Лигачева (сам Лигачев признавал, что Громыко уже знал ответ, когда спрашивал его о предпочтительной кандидатуре Генсека)³⁷, а его статусом в Политбюро. Только он, Тихонов и Гришин могли взять слово первыми. Но Тихонов не имел на тот момент подготовленной кандидатуры, кроме собственной. А его самого мог предложить лишь кто-то другой. Гришин оказался «на крючке» у «молодежи». Громыко, после некоторых колебаний, решил остановить свой выбор на Горбачеве, предопределив исход борьбы за власть 1984—1985 гг. Накануне Горбачев позвонил Громыко:

— Андрей Андреевич, надо объединять усилия: момент очень ответственный.

— Я думаю, все ясно.

— Я исхожу из того, что мы с вами сейчас должны взаимодействовать³⁸.

Решив поддерживать Горбачева против военно-ведомственного блока, Громыко мог только лично предложить кандидатуру. Поручить такую ответственную задачу менее влиятельной фигуре означало поставить все дело под угрозу.

«Не исключаю, что именно выступление Громыко и предредило предельно спокойный ход заседания: никто из стариков даже слова против не сказал»³⁹. «Старики» хорошо понимали, что шансов на успех в результате отсутствия Щербицкого и Кунаева и «нейтральной» позиции Гришина у них не остается. Поэтому выступление против могло превратить их в «антипартийную группу». Отсюда и единогласие.

На всякий случай Лигачев сколотил группу из 15—20 секретарей обкомов, готовую выступить на Пленуме в случае, если Политбюро не поддержит Горбачева⁴⁰.

«Несколько групп первых секретарей обкомов посетили меня. Призывали занять твердую позицию и взять на себя обязанности Генсека. Одна из таких групп заявила, что у них сложилось организационное ядро и они не намерены больше позволять Политбюро решать подобного рода вопросы без учета их мнения»⁴¹, — вспоминает Горбачев. По утверждению Лигачева, кандидат в Генсеки санкционировал возможное выступление «фракционеров». Если бы оно состоялось, это был бы первый случай с 1957 г. В ЦК были и противники избрания Горбачева. Вспоминает В.Болдин: «Я слышу откровенные суждения. Многие называют Горбачева, но и противники есть. Да, человек способный, но умудренные жизнью секретари обкомов считают, что у Михаила Сергеевича нет достаточного опыта, поверхностное знакомство с экономикой, не знает производства, трудовые коллективы»⁴². С этой точки зрения больше подошел бы Тихонов или Романов. «Были и те,

кто не хотел Горбачева. Как-то незадолго до кончины Генсека Чебриков, возглавлявший в то время КГБ, поделился со мной содержанием своей беседы с Тихоновым, пытавшимся убедить его в недопустимости моего избрания на пост Генерального секретаря. Чебрикова поразило, что Тихонов никого, кроме меня, не упоминал:

— Неужели сам претендовал на это место? — подумал он, — рассказывает Горбачев⁴³.

Аргументируя необходимость избрания Горбачева, Громыко заявил: «Скажу прямо. Когда думаешь о кандидатуре на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, то, конечно, думаешь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Это был бы, на мой взгляд, абсолютно правильный выбор. Все мы Михаила Сергеевича хорошо знаем. Семь лет мы работаем с ним вместе. Я помню, как Л.И.Брежнев интересовался моим мнением и мнением других товарищей, когда речь шла о переводе М.С.Горбачева на работу в Москву. Я не сомневаюсь, что все мы тогда правильно поддержали это предложение»⁴⁴. Громыко не только напоминал Горбачеву, что своим возвышением он обязан «старой гвардией», но и намекал консерваторам (а теперь на заседании присутствовал Кунаев) о том, что новый Генсек был «одобрен» самим Брежневым.

Среди положительных качеств Горбачева Громыко назвал «неукротимую энергию», «умение налаживать отношения с людьми» и большой опыт партийной работы⁴⁵. Чуткость к кадрам и в то же время способность вдохнуть в партийный механизм новую энергию — это то, что «последний из могикан» ждал от Горбачева.

Когда Громыко получил слово, наиболее нервно вел себя Тихонов⁴⁶. Заранее блокируя возможные (но маловероятные) возражения, Громыко напомнил: «Мы не имеем права допустить никакого нарушения нашего единства. Мы не имеем права дать миру заметить хоть какую-то щель в наших отношениях»⁴⁷. Раз уж кандидатура Горбачева названа, альтернатива ей возникнуть уже не должна — иначе образуется «щель».

«Щель» не возникла. Выступавшие один за другим поддерживали кандидатуру Горбачева, акцентируя внимание лишь на разных ее положительных качествах. Тихонов указал на «контактность» и на то, что «это первый из секретарей ЦК, который хорошо разбирается в экономике» (год назад Тихонов категорически утверждал обратное). Гришин обратил внимание не только на знания, принципиальность и опыт, но и «терпимость». Московский руководитель не забыл напомнить Горбачеву о своей роли в его восшествии на престол: «Мы вчера вечером, когда узнали о смерти Константина Устиновича, фактически предрешили этот вопрос, договорившись утвердить Михаила Сергеевича председателем комиссии по похоронам»⁴⁸.

Другая фракция Политбюро обращала внимание на такие качества Горбачева, как «неукротимая энергия, стремление активно вмешиваться в события», «дух новаторства», «принципиальность и требовательность» (Соломенцев), «стремление к поиску в малых и больших делах», популярность в народе (т.е. в партийной элите) (Лигачев)⁴⁹.

После вчерашнего заседания Кунаев понимал, что альтернатива Горбачеву нереальна. К тому же трудно сказать, насколько Кунаева могла устаривать эта альтернатива. Так что руководитель Казахстана сыграл в «императивный мандат» и объявил себя самым решительным сторонником Горбачева: «Мне поручено сказать на заседании Политбюро о том, что как бы здесь ни развернулось обсуждение, коммунисты Казахстана будут голосовать за избрание Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева»⁵⁰. Если бы на заседании Политбюро был шанс выдвижения другой кандидатуры, то позиция «казахстанских коммунистов» могла квалифицироваться как «антипартийная группа». Но поскольку все уже было предreshено, заявление Кунаева было лишь ораторским приемом.

За избрание Горбачева выступил и Романов. Но в его речи сквозили нотки, которые вряд ли понравились Михаилу Сергеевичу: «Николай Александрович Тихонов говорил здесь о работе Михаила Сергеевича Горбачева в Комиссии по совершенствованию хозяйственной деятельности. Тон в этой комиссии задает т.Тихонов, а Михаил Сергеевич, опираясь на отделы ЦК, тактично вносит свои предложения, которые в большинстве своем поддерживаются комиссией». Тихонов «задает тон» в обсуждении такого ключевого вопроса, как совершенствование хозяйственного механизма, а Горбачев выступает у него в роли советника, младшего партнера.

Но, по мнению Романова, Горбачев сумеет всему научиться, если, конечно, будет и дальше слушать старших товарищей. Иллюстрируя эту мысль, оратор не забывает упомянуть о своем «коньке» — вопросах НТР — где он может считать себя экспертом и давать оценку знаниям будущего Генсека: «Он очень быстро разобрался во многих сложнейших вопросах научно-технического прогресса». Основная задача, которая стояла перед Горбачевым, по мнению Романова, заключалась в том, чтобы «обеспечивать преемственность руководства нашей партией»⁵¹.

Выслушав длинную череду выступлений, в которой члены Политбюро и секретари ЦК с разной степенью энтузиазма говорили о его положительных качествах, Горбачев с удовлетворением отметил, что «наше сегодняшнее заседание проходит в духе единства». Дабы не нарушать этот дух, в ответном слове Горбачев заявил: «Нам не нужно менять политику. Она верная, правильная, подлинно ленинская политика. Нам надо набирать темпы, двигаться вперед, выявлять недостатки и преодолевать их, ясно видеть наше светлое будущее»⁵². Эта речь была рассчитана на консерваторов, сторонники перемен понимали, что цена слов о неизменности курса не велика. Задним числом Горбачев предложил утвердить вчерашнее решение о созыве Пленума, о котором уже было сообщено в СМИ.

На Пленуме ЦК КПСС, где должно было быть утверждено решение Политбюро, Горбачева снова представлял Громыко.

Высшая партийная элита встретила решение высшего ареопага положительно. По воспоминаниям одного из лидеров компартии Италии А.Рубби: «Загладин рассказал нам, что когда Громыко произнес на Пленуме ЦК имя нового Генерального секретаря — Михаил Сергеевич, и не успел он еще

назвать фамилию, как раздались продолжительные аплодисменты, “и многие, как и я, свободно вздохнули”⁵³.

Речь Громыко была выдержана в превосходных тонах: «Показал он себя блестяще, без всякого преувеличения». Рассказывая об «обмене мнений» на Политбюро, Громыко сообщил, что «наряду с партийным опытом, а это бесценный дар, подчеркивалось, что это человек принципов, человек сильных убеждений... человек острого и глубокого ума». Упомянув о принципах, Громыко подробнее остановился на гибкости: «Ведь часто бывает, что вопросы — “внутренние” и “внешние” — трудно очень рассматривать, руководствуясь законом “черное и белое”. Могут быть промежуточные цвета, промежуточные звенья и промежуточные решения. И Михаил Сергеевич всегда умеет находить такие решения, которые отвечают линии партии... Я сам часто поражаюсь его умению быстро и точно схватывать суть дела, делать выводы, правильные, партийные выводы»⁵⁴. Наступало время «промежуточных цветов».

На всякий случай Громыко и здесь предупредил о недопустимости возражений: «Да, мы живем в такое время, когда на Советский Союз наведены, фигурально выражаясь, разные телескопы... И смотрят, как бы это в советском руководстве найти какие-то трещины. Единодушное мнение Политбюро — и на сей раз мы, Центральный комитет партии и Политбюро, не доставим удовольствие нашим политическим противникам на этот счет. (Аплодисменты)». Но чтобы противники «полутонов» были спокойны, опытный министр добавил: «Очень много раз Михаил Сергеевич высказывался, в том числе на Политбюро, относительно необходимости нам, как говорится, держать порох сухим»⁵⁵. На Запад попала еще одна фраза из речи Громыко, которая не была опубликована в СССР: «У этого человека хорошая улыбка, но у него железные зубы»⁵⁶. Возможно, Громыко переоценил зубы Горбачева.

Позицию Громыко поддержал и Гришин: «Я сказал, что он очень доступен и прост»⁵⁷. «Демократизм» Горбачева в общении с высшей элитой, как казалось, свидетельствовал о готовности нового Генсека к сохранению «коллективного руководства». Никаких возражений по поводу избрания Горбачева не возникло, о чем честно и было сообщено миру. Несмотря на это и десять лет спустя авторы некоторых публицистических произведений продолжали сетовать на то, что «советские граждане были оставлены в неведении относительно перипетий и дискуссий, имевших место на Пленуме, соперничества различных претендентов на высочайший пост, который сам Горбачев впоследствии сравнивал с монаршим»⁵⁸. Однако никаких «перипетий» на Пленуме не произошло.

Выступая с «тронной речью», написанной (по указаниям «самого») Медведевым, Яковлевым и Болдиным⁵⁹, Горбачев заявил: «Стратегическая линия, выработанная на XXVI съезде, последующих Пленумах ЦК, была и остается неизменной. Это — линия на ускорение социально-экономического развития страны, на совершенствование всех сторон жизни общества»⁶⁰. Ссылка на XXVI съезд носила скорее ритуальный характер — концепция ускорения была в большей степени плодом андроповской эпохи. Однако конкретизация этого положения не содержала пока ничего нового

— все положения речи Горбачева уже были отработаны в выступлениях Андропова и Черненко.

Принимая высокий пост, Горбачев понимал, что пока он остается под контролем своих «соратников». Последние всячески это подчеркивали, даже перед лицом иностранных коммунистов. По воспоминаниям А.Рубби: «Всех нас, а меня, больше других наученного опытом встреч с высшим партийным руководством, особенно удивило, что Пономарев осмеливался во время беседы — это он-то, который обычно вел себя в присутствии Генерального секретаря тише воды, ниже травы, — вступать в разговор, перебивать, поправлять, вставляя замечания, и всегда с единственной целью — подчеркнуть преемственность с прежней политикой. Почему, кроме явного раздражения, Горбачев никак не реагировал на эти выпады? Казалось, он чем-то связан и намеренно сдерживает себя»⁶¹.

Сразу после избрания Генсеком, Горбачев собрал свою команду для того, чтобы обсудить основные направления будущей политики. Вспоминает помощник Горбачева В.Болдин: «Насколько я помню, все рассуждения тогда свелись к трем позициям. Первая — ускорить обновление кадров... Вторая позиция состояла в том, чтобы продолжить курс на ускорение научно-технического прогресса в стране, приоритетного развития машиностроения как основы всех преобразований в производстве... И наконец, в третью группу вопросов выделялись все поездки Генсека по стране, посещение трудовых коллективов»⁶². Эта политика была прямым продолжением курса Андропова.

Приход к власти Горбачева в марте 1985 г. был относителен. К власти пришла команда. Е.Лигачев уверждал, что это была команда Андропова⁶³. Однако победа Горбачева никак не могла означать победу всей команды Андропова. Для Тихонова, Романова, Долгих и стоявшей за ними ведомственной коалиции это было поражение. В марте 1985 г. к руководству страной пришла лишь часть команды Андропова, которую можно назвать командой Горбачева. Однако пока эта команда действовала в прежнем окружении, унаследованном от Брежнева и Андропова.

Социально-политические силы, считавшие себя победителями в марте 1985 г., в действительности преследовали весьма различные цели, что очень скоро приведет к горьким разочарованиям части элиты, ликовавшей по поводу избрания «молодого Генсека». Прежде всего это касается военных. Им казалось, что динамичный Генсек поведет решительное наступление на фронте внешней политики, что именно ВПК встанет в авангард проповедовавшегося Горбачевым научно-технического рывка. Однако стратегия Горбачева исходила из других приоритетов, и вскоре военные почувствуют себя обманутыми. В итоге коалиция, приведшая Горбачева к власти, стала распадаться на глазах. Из нее выделилось ядро победителей, которое существует до 1988 г.

Сама победившая группировка была неоднородна. Она состояла из слабых еще реформистов, планировавших ограниченные рыночные реформы, и из андроповских «пуристан», стремившихся к восстановлению изначальных идеалов социализма (в его марксистско-ленинском варианте), очищения

страны от коррупции, преодоления «разболтанности» и недисциплинированности. В своих дальнейших действиях и высказываниях Горбачеву необходимо было оглядываться не только на сохранявших влияние консерваторов, но и на могучую «пуританскую» группировку. Однако следует помнить, что лично Горбачев сам во многом был приверженцем идей «пуританского» крыла своей группировки и лишь постепенно уступал аргументам реформистов-рыночников.

Примечания

1. Выступление Горбачева М.С. на заседании клуба «Московская трибуна» 6 апреля 1996 г.
2. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 29.
3. Brown A. The Gorbachev Factor. Oxford, 1996. P. 182.
4. Воротников В.И. А было это так... С. 53-54
5. Чазов Е. Указ. соч. С. 210.
6. Воротников В. Указ. соч. С.55.
7. Сериал «Вторая русская революция», ВВС, Великобритания, Первая серия.
8. Там же.
9. Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. М., 1990. С. 58.
10. Печенев В. Указ. соч. С. 121.
11. Наше дело. 1990. № 4. С. 7.
12. Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. М.1996. С.293-294.
13. Раззаков Ф. Указ. соч. С. 259.
14. Гришин В.В. Указ. соч. С. 69, 333.
15. Болдин В. Указ. соч. С. 239.
16. База данных «Просопограф» ИИЦ «Панорама».
17. Экологическая альтернатива» М. 1990. С. 685.
18. ЦХСД. Ф. 89. Оп. 11. Д. 102. Л. 1-4.
19. Земцов И. Указ. соч. С. 330.
20. Чазов Е. Указ. соч. С. 210-211.
21. Куранты. 17.1.1991.
22. Рыжков Н. Указ. соч. С. 78.
23. Подробнее см.: Геллер М. История России. М., 1995. С. 15; Зенькович Н. Тайны уходящего века. Власть, распри, подоплека. М., 1998. С. 392-398. Н.Зенькович, ссылаясь на некоторые неточности с указанием времени в протоколе 11 марта, фактически поддерживает версию о расколе Политбюро. Однако его аргументы явно недостаточны — Политбюро 11 марта могло задним числом утвердить и решения 10 марта, которые уже начали осуществляться.
24. Горбачев М. Указ. соч. Т. 1. С. 264.
25. Воротников В. Указ. соч. С. 57.
26. Лигачев Е. Указ. соч. С. 57.
27. Вторая русская революция. 1 серия.
28. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 265.
29. Вторая русская революция. 1 серия.
30. Рыжков Н. Указ. соч. С. 79.
31. Горбачева Р. Указ. соч. С. 13.
32. Интервью Долгих съёмочной группе фильма «Вторая русская революция». Цит по: Brown A. Gorbachev factor. Manuscript. P. 48. Цитирование с согласия автора.

33. Рыжков Н. Указ. соч. С. 79.
34. Там же.
35. Лигачев Е. Указ. соч. С. 63.
36. Рыжков Н. Указ. соч. С. 79.
37. Лигачев Е. Указ. соч. С. 60.
38. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 264.
39. Рыжков Н. Указ. соч. С. 79.
40. Лигачев Е. Указ. соч. С. 62-63.
41. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 266.
42. Болдырев В. Указ. соч. С. 88.
43. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 266.
44. Источник. 0.1993. С. 69.
45. Там же.
46. Черняев А.С. Указ. соч. С. 29.
47. Там же.
48. Там же. С. 70.
49. Там же. С. 70, 73.
50. Там же. С. 70.
51. Там же. С. 71.
52. Там же. С. 74.
53. Рубби А. Указ. соч. С. 51.
54. Коммунист. № 5. 1985. С. 7.
55. Там же.
56. R.Sakwa. Gorbachev and his reforms, 1985—1990. Cambridge. 1990. P. 1.
57. Вторая русская революция. I серия.
58. Согрин В.В. Указ. соч. С. 8.
59. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 265.
60. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 2. С. 129.
61. Рубби А. Указ. соч. С. 61.
62. Болдин В. Указ. соч. С. 95.
63. Куранты 17.1.1991.